

ЯАП РОББЕН

**ЛЕТ
ШИКИ
РАТ**

**перевод
ЕКАТЕРИНЫ ТЕРЕШКО**

**ЛОНГ-ЛИСТ
БУКЕРА
2021**

МИ∞

Моему дорогому сыну Мидасу

1

Я думал, что мы просто едем покататься. Ветер дует навстречу, поднимая с земли сено, сухие травинки, которые через открытые окна залетают к нам в пикап. Сейчас сезон сбора урожая, но мы в этом не участвуем. В багажнике гремят ржавые трубы и остов стиральной машины, которую мы вчера подобрали в какой-то канаве на обочине. Па поворачивает и останавливается у заправки.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашивает он, заливая в бак бензин. Заправиться нам удастся только по понедельникам, потому что в этот день работает Бенуа. Его начальник больше не продает нам ничего. Он говорит, что такие клиенты, как мы, слишком дорого ему выходят.

Мимо проезжает грохочущий грузовик, заваленный охапками сена, всколыхнув выцветшую растяжку с рекламой кофе, который тут всегда по акции. Пахнет он так, будто там вместо кофе перемолотый рубероид.

— Привет, — обращаюсь я к Бенуа. Пронзительно звенит дверной колокольчик.

— Я больше не должен вас впускать, — отвечает он из своей стеклянной будки, наклонившись к микрофону слишком близко. — Я же в прошлый раз вам уже говорил.

Я показываю в сторону кассы и жестом даю понять, что не расслышал.

— Я говорю, я вас...

Я качаю головой и снова показываю на уши.

Вокруг его кассы стеной выстроились мешки с углем, и поэтому кажется, что он окопался и занял оборонительную позицию, защищаясь от нас. Рядом с углем погибают в ведрах букеты цветов. Я задерживаюсь у холодильника с энергетиками. Бенуа пытается не спускать с меня глаз, смотря в выпуклое зеркальце под потолком. Дверной звончок снова тренькает.

— Бенуа! — радушно приветствует его отец.

— Я только что сказал Брайану, что мне нельзя вам...

— И это тоже посчитай. — Отец берет с полки с товарами по акции громадное шоколадное яйцо. — Подарок для его брата.

— Мы едем к Люсьену?

Отец прижимает ценник к защитному стеклу.

— За полцены, — сообщает он, пытаясь отодрать большую красную наклейку. — Вообще, можно и так оставить. Его брат все равно не разглядит.

— Да-да, — как-то невнятно мямлит Бенуа, вбивая цену со скидкой.

— И перевяжи его вон той большой голубой лентой, его брату понравится.

— К сожалению, продукты по акции мы не упаковываем.

— Красная тоже пойдет.

— Так что не получится.

— Ты еще что-то хочешь? — кричит па мне. Я отрицательно качаю головой. — Сколько с нас?

Бенуа сглотнул, посмотрел на кассовый аппарат и ответил:

— Всего тридцать восемь двадцать пя...

— Вот, возьми, — отец вытаскивает из внутреннего кармана своей кожаной куртки горсть монет и сваливает их все в монетницу. — И вот это тоже. — Из кармана

брюк он выуживает банкноту в десять евро, аккуратно разворачивает ее и разглаживает. — Может, все-таки украсишь эту штуку, чтоб было красиво?

— Сначала посчитаю, все ли верно.

— Мы, вообще-то, торопимся.

Бенуа начинает нервно раскладывать монетки.

Еще до того, как мы сели в машину, шоколад уже потек по пластиковым стенкам обертки. Отец шагает впереди меня. За ним развевается голубая лента.

— Давай, шевели ногами, Брай.

— Мы правда едем к Люсьену?

Бенуа вышел из магазина.

— Тут не хватает семь евро двадцать пять центов.

Отец разворачивается лицом к нему, но продолжает двигаться к машине спиной вперед.

— А ты хорошо посчитал?

— Здесь слишком мало.

— Не преувеличивай, — па строит удивленную рожу. — И мы немного торопимся. Его брат ждет нас.

— Я должен доложить о случившемся.

— Ну-ну, какие слова! Вот так вы обращаетесь с постоянными покупателями? — Отец замедляет шаг. — Завтра донесу остальное.

— Завтра я не работаю.

— Ага, — ухмыляется па, — тогда придется записать это на наш счет.

Мы выезжаем обратно на дорогу. Бенуа стоит у дверей. Отец по-приятельски машет ему рукой и поднимает вверх большой палец. Бенуа отвечает слабым движением руки.

— Почему мы едем к Люсьену?

— Я подумал, что можно и съездить разок.

Мой брат живет в кровати в получасе езды от нашего фургона. В последний раз мы его навещали перед его шестнадцатилетием, а до того, наверное, на рождественских праздниках. Все, что я помню, — он спал. А когда наконец проснулся, то смотрел только на рождественскую гирлянду на окне, танцующую огоньками по батарее. Мы никогда не ездим к нему в само Рождество или день рождения, чтобы не столкнуться с ма. Я надеюсь, что и сейчас мы ее машину там на стоянке не увидим.

Рядом с главным входом нас встречает мальчик с выпученными глазами. Большая часть его лица — это лоб. Темные волосы прядями вылезают через проемы в кожаном шлеме. Он смотрит на нас строго, будто знает, что мы уже давно тут не появлялись. Я каждый раз нервничаю, когда нам нужно заходить сюда. Боюсь, вдруг Люсьен разозлится, что мы долго не приезжали, или с ним что-то случилось, пока нас не было, а мы об этом не знаем. Но в основном потому, что это территория мамы, а не наша.

Здесь все стены на высоту примерно до пояса в царапинах, полосах и вмятинах от инвалидных кресел, колясок и больничных кроватей на колесиках. Вдоль всего коридора припаркованы кресла-каталки, которые снабжены всевозможными приспособлениями. Чуть подалее стоит тележка с прикрепленным к ней мусорным пакетом, подносами с едой и грязными тарелками. На голубом коврикe в зале лежит мальчик и стонет в потолок. Его ноги вывернуты под невообразимым углом, как будто они от другого тела и их пришили к его туловищу по ошибке. С раскинутыми в стороны руками он ждет кого-то, кто упадет на него

с потолка, чтобы встретить его с распростертыми объятиями.

— Брай! — Па стоит в конце коридора. — Иди, посмотри сюда.

Автоматические двери начинают закрываться, но каждый раз снова открываются, потому что он стоит между створками. За ним статуя Девы Марии жестом призывает замедлиться, хотя здесь все и так очень медлительны.

— Палата Люсьена ведь была здесь?

Весь дверной проем сбоку обтянут матовой пленкой. Когда где-нибудь в здании открывается дверь или окно, пленка с хлопком выгибается внутрь комнаты, а затем, шурша, снова заполняет проем. За ней сверлят. Силуэт человека толкает впереди себя тачку.

— Он, наверное, переехал? Так же нельзя, твоя ма должна была нам сказать.

Целлофан вокруг шоколадного яйца хрустит под его пальцами, которые еще крепче впиваются в него.

— Может, он где-то здесь?

Мы читаем таблички с именами, которые висят рядом с каждой дверью, за одной из них кто-то начинает выть.

— Спросим на стойке регистрации?

— Где же наш Люсьен? — Па водружает шоколадное яйцо на стойку. — Его комнаты больше нет, а нам ничего не сказали.

— Секундочку, — отвечает женщина из-за стойки. — Я сейчас освобожусь.

На бейдже написано, что ее зовут Эсме. Под ее блузкой скрывается такая грудь, что отец не сможет удержаться от сальных шуточек на ее счет. Глаза у него уже заблестели. Эсме ударяет указательным пальцем по кнопке «Ввод», отъезжает на своем кресле назад и поднимает на нас приветливый взгляд.